

Александр ГОРОДНИЦКИЙ

ВЕСЕННЕЕ РАВНОДЕНСТВИЕ

Мне счастливая выпала карта,
Что спасала не раз в беде:
Я родился Двадцатого марта,
В равноденствия светлый день.
Я пришел в этот мир суровый,
У распутья холодных рек,
На Васильевском, у Большого,
Где на улицах таял снег.
У эпохи крутых обочин,
Белой выстеленных пылью,
Я рожден на исходе ночи,
Между Рыбою и Овцой.
Под балтийскими облаками
Лето, спорящее с зимой.
Далеко еще до блокады,
Год неблизко Тридцать седьмой.
Мне мальчишеского азарта
И до смерти не превозмочь:
Я родился Двадцатого марта,
Когда день обгоняет ночь.
Пусть родительский скуден завтрак,
В узкой комнатке теснота.
День длиннее, чем ночь, назавтра, —
Это, видимо, неспроста!
Много лет, далеко отсюда,
В неуюте других квартир,
Вспоминать я нередко буду
Перевернутый этот мир,
Где горит в поднебесье чистом
День полуденной синевой,
В подоконник капель стучится,
Чайки кружатся над Невой.

* * *

И в снег, и в дождик, и зимой, и летом,
Поднявшись утром или спать ложась,
Смотрю я на знакомые предметы,
Стоящие на книжных стеллажах.

Александр Моисеевич Городницкий родился в 1933 году в Ленинграде. Советский и российский ученый-геофизик, доктор геолого-минералогических наук, профессор, член Российской академии естественных наук. Широко известен как поэт, бард, считается одним из основоположников авторской песни. Лауреат Государственной литературной премии имени Булата Окуджавы. Заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН.

Приглядываюсь к выцветшему снимку
Вдоль Ладоги блокадной колеи.
Вот фото с однокурницей в обнимку, —
Следы моей распавшейся семьи.
Листаю позабытые страницы
Из питерских студенческих времен:
Здесь компас мой из первых экспедиций
И института Горного погон.
Любил я почему-то безделушки,
Их из далеких привозил земель.
Вот баховский сидит чугунный Пушкин,
Вот «Крузенштерна» моего модель.
Припомнится, как, напрягая снасти,
Гудел норд-оста сумеречный вой.
Вот фотоснимок на СП-17,
Где я стою в кухлянке меховой.
Кораллы из тропических атоллов,
Куда попасть опять не суждено,
Тот аппарат подводный, на котором
Я погружался некогда на дно.
В кипящей бездне и метельном гуде,
Повсюду мне отчаянно везло.
Когда умру, придут чужие люди
И выкинут все это барахло.
И снова солнце освещает полки,
И я смотрю, проснувшись поутру,
На жизни разноцветные осколки,
Которую я вновь не соберу.

ПАМЯТИ ВАДИМА ШЕФНЕРА

Мы старые островитяне.

Вадим Шефнер

Над холодной невскою водой
Давняя мне вспомнилась беседа.
Невысокий, тихий и седой,
Он и вправду был похож на шведа.
За его сутулою спиной
Плыл наш остров в облике туманном,
Рядом с Петроградской стороной
И соседним островом Буяном.
Возвращаясь к прошлым временам,
Оценить сумеют ли потомки,
Книги, им оставленные нам,
Этот голос питерский негромкий?
На пороге перемен лихих,
Возле заболоченного устья,
Я его забытые стихи
Иногда припоминаю с грустью.

Мне они — лекарство от тоски.
Шли мы в жизни разными путями.
Не с того ли так они близки,
Что мы оба с ним островитяне?
И мерцает, близок и далек,
Остров наш, в закатной дымке тая,
Что от Стрелки биржевой пролег
До песчаных мелей Голодая.

* * *

Покуда на Земле клокочут страсти,
Опасные для сердца и ума,
Поэт конфликтовать не должен с властью,
Поскольку власть воюет с ним сама.
Нет мира между властью и поэтом
Ни в наши дни, ни в прежние года.
Она его стремится сжить со света,
Поскольку он враждебен ей всегда.
Какое бы ни проявлял он рвенье
В лояльности, рассудку вопреки,
Всегда он у нее на подозренье,
Покуда не отбросит он коньки.
И если он пока что тише мыши,
То и тогда не верит власть ему,
Поскольку то, что завтра он напишет,
Сегодня не известно никому.
И даже если ей запродад дар свой,
Он ей врагом останется навек,
Поскольку в несвободном государстве
Не должен жить свободный человек.

ПАМЯТИ ДАНИИЛА ГРАНИНА

Летний день, холодный, словно осень,
Петроградский опустевший кров.
Умер Гранин в девяносто восемь
У гранитных невских берегов.
Пережив отпущенные сроки,
На года оставшийся один,
Был он неизменно одиноким,
Питерский великий гражданин.
Жизнь свою прожив не без опаски, —
За спиной блокада и война,
Был он властью в старости обласкан —
Премии, квартиры, ордена.
Не убит на фронте, только ранен,
Избежав посадок и голгоф,
В девяносто восемь умер Гранин
У гранитных невских берегов.

Многое, увы, терпел он молча,
В чем винили прочие его.
Пробовал с волками выть по-волчьи,
Но не получилось у него.
Много раз, перед властями дерзко
Заявив протест очередной,
У него искали мы поддержку,
Укрываясь за его спиной.
Обернись назад и не печалься,
Время устремляется вперед.
Защищать наш город от начальства
Тяжелей, чем от немецких рот.
Темою для споров став заране,
Для любых писательских кругов,
В девяносто восемь умер Гранин
У гранитных невских берегов.
И того, возможно, не желая,
Мы с тобою, в затяжном бою,
Оказались на переднем крае,
У чужого века на краю.

* * *

О натруженные сваи
Бьет холодная волна.
Легкой жизни не бывает
Ни в какие времена.
Жизнь свою в конце дороги
Оглядев издалека,
Кто сказал бы вам в итоге,
Что была она легка?
Сколько жить бы ни осталось,
Неудачей обожжен,
Легкой участи под старость
Не ищи за рубежом.
Нас дорога столбовая
В край какой бы ни вела,
Легкой жизни не бывает, —
Жизнь повсюду тяжела.
Над безлюдною протокой
Кружит в небе воронье.
Только смерть бывает легкой,
Если это не вранье.